

А. В. ЧЕРЕПНИН

К вопросу о русской публицистике конца XV в.

Среди памятников общественно-политической мысли времени образования Русского централизованного государства большой интерес представляет «Повесть о новгородском белом клобуке».¹ Подробно обследовавший ее Н. Н. Розов рассмотрел свыше 250 списков памятника, разбил их на четыре редакции и отнес древнейшую редакцию (так называемую прострannую) к 90-м годам XV в., ко времени деятельности в Новгороде архиепископа Геннадия.²

Выводы Розова вызвали скептическое отношение со стороны Я. С. Лурье, приведшего ряд соображений (частично высказывавшихся и прежде) против отнесения «Повести» ко времени ранее середины XVI в. Впрочем, и Лурье допускает, что в основе дошедшей до нас «Повести» лежит легенда (устная или записанная), сложившаяся в кругах, близких к Геннадию. Однако использование ее в качестве источника, отражающего непосредственно идеологию обличителей новгородской ереси, к числу которых принадлежал архиепископ Геннадий, исследователю представляется рискованным.³

Не поднимая сложного вопроса о происхождении «Повести о новгородском белом клобуке» в целом, мне все же хотелось бы привести некоторые соображения, позволяющие говорить о ее связи с Геннадиевским кружком и относить ее к обличительной, противоеретической литературе.

А. И. Клибанов выдвинул правильную мысль, что в конце XV в. «классово-идеологический конфликт между церковью и еретическим движением осложнялся политическим конфликтом между церковью и великокняжеской властью».⁴ В «Повести о новгородском белом клобуке» исследователи обращали внимание на идеи, отражающие второе направление политической борьбы, — утверждение о превосходстве церковной власти над светской (святительский клобук «честнее» царского венца, «понеже

¹ См.: Памятники старинной русской литературы, т. I. СПб., 1860, стр. 287—300.

² Н. Н. Розов. 1) Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики. — ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 178—219; 2) «Повесть о новгородском белом клобуке» (идейное содержание, время и место составления). — Ученые записки Ленингр. гос. унив. им. А. А. Жданова, № 173, Серия филолог. наук, вып. 20, 1954, стр. 307—327.

³ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960, стр. 229—234.

⁴ А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, стр. 194.

архангельского чина царский венец есть и духовного суть») ⁵ и подчеркивание значения Новгорода в качестве церковного центра (куда прибыл белый клобук).

Труднее найти в «Повести» нотки, созвучные обличительной литературе Геннадиевского толка, ибо, как правильно заметил Я. С. Лурье, публицистические моменты в ней носят не прямой, а косвенный характер. ⁶ Но такие нотки, думается, есть.

Это прежде всего идея о незыблемости авторитета церкви и духовной иерархии, о силе церковной традиции, об обязательности поклонения святыням, которые еретики хулили, как вещи, «сотворенные от рук человеческих». ⁷ В «Повести» рассказывается, как белый клобук — эмблема высшей духовной власти — подвергался преследованиям в Риме; папа его возненавидел, хотел сжечь, а затем отправил в дальние страны, чтобы там подвергнуть поруганию и истребить. Дальнейшая история белого клобука, его изгнания из Рима и возвращения туда опять, его нового путешествия — сначала в Византию, затем в Русь, рассказы о его чудесном избавлении от опасностей и о божьей каре, постигавшей его преследователей, — все это проникнуто стремлением доказать твердость церковных устоев и догм ортодоксального православия. За выпадами против католической «ереси» и папства могла скрываться защита авторитета церкви, олицетворенного в белом клобуке, от ее местных хулителей.

Вторая идея, пронизывающая «Повесть», — это представление о силе и святости божественной благодати, отмечающей тех, кто достоин священного сана. Богом было предопределено, что белый клобук носил на своей главе новгородский архиепископ Василий, и поэтому тщетными оказались попытки удержать его как в Риме, так и в Константинополе. Рассказ о судьбе белого клобука мог быть рассчитан на «поучение» тех, кто (как стригольники) отрицал, что духовные лица через таинство священства становятся носителями божественной благодати. ⁸

Наконец, следует отметить, что «Повесть о белом клобуке» представляет собой апологию чудесного. Она вся соткана из чудес, которые автор, очевидно, рассматривал не просто как материал для занимательного чтения, а как нечто, долженствующее убедить в бессилии человеческого разума постигнуть то, что является плодом воли божьей и доступно лишь вере. Нельзя ли видеть в таком характере «Повести» стремление ее автора противопоставить ортодоксальное понимание веры и дара чудотворения, как проявления божественной благодати, представлениям еретиков, нашедшим выражение в «Лаодикийском послании» Федора Курицына и в «Написании о грамоте», — о «самовластии души» и о «самовластии ума»? Раскрывая характер мировоззрения Ф. Курицына, Клибанов указывает, что хотя по его учению «самовластие души» не должно выходить за ограду религии, однако законодателем веры является человек; что же касается силы чудотворения, то она заключается не в самом чуде, не в благодати, а в той мудрости, которая в нем проявляется. ⁹

Я не хочу, конечно, сказать, что «Повесть о белом клобуке», направлена непосредственно против Ф. Курицына. Я считаю лишь возможным, что, вводя читателей в сферу чудесного, ее автор хотел предостеречь их от во-

⁵ Н. Н. Розов. Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики, стр. 203.

⁶ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба..., стр. 229.

⁷ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, стр. 121.

⁸ Там же, стр. 46.

⁹ А. И. Клибанов. Реформационные движения в России..., стр. 342.

сприятия тех вредных, с точки зрения церкви, взглядов, которые были близки, безусловно, не одному Курицыну.

Если идея «самовластия души» «Повесть о белом клобуке» противопоставляла необходимость веры, то против тезиса о «самовластии ума» она выдвигала силу церковного авторитета и предания. «Повесть» осуждала как «путь сатанин» «гнилое буйство», противное богу.

Таким образом, идейная направленность «Повести о белом клобуке» заключалась не только в обосновании мысли о том, что власть церковная выше гражданской, не только в стремлении поднять «новгородское православие» над московским,¹⁰ но и в наступлении на еретиков (пусть, употребляя терминологию Лурье, не прямо, а косвенно).

Известен ритуал позорной казни, которой подверг в 1490 г. архиепископ Геннадий новгородских еретиков. Их облачили в особый шутовской наряд, посадили на коней «в седла ючные», лицом к конским хвостам, чтобы они смотрели на запад «в уготованный им огонь», на головы им надели берестяные остроконечные шлемы с соломенными венцами, с надписями: «Се есть сатанино воинство». В таком виде еретиков провели по городу, надругаясь над ними как «врагами божьими» и «хулителями христианскими», а затем сожгли у них на головах шлемы.¹¹

Известно, сам изобрел или откуда позаимствовал Геннадий изложенный церемониал. Может быть, его воодушевил пример «шпанского короля», который, по словам архиепископа, «свою очистил землю» от еретиков.¹² Нас интересует сейчас другое — антитеза белого клобука как символа верховного духовного сана, освященного божественной благодатью, и бесовских шлемов, водруженных на главы тех, кто входил в состав «сатанинского воинства». Огонь истребил эти шлемы, в то время как белый клобук, чудесно спасшийся от всех козней, навечно утвердился в качестве головного убора новгородских архиепископов. Если связывать создание «Повести о белом клобуке» с инициативой Геннадия, то подобная антитеза покажется не надуманной, а действительно отвечающей идейному замыслу ее автора или авторов.

Выше говорилось о наличии антикатолических тенденций в тексте «Повести». Это как будто противоречит настроениям геннадиевского окружения, поддерживавшего связи с католиками. К Геннадию были близки греки-униаты — братья Дмитрий и Юрий Траханиоты, игравшие значительную роль в распространении католического влияния на Руси.¹³ При дворе Геннадия жил монах-доминиканец Вениамин.¹⁴ До нас дошла запись рассказа императорского посла Георга фон Турна Геннадию об испанской инквизиции. В этой записи с одобрением говорится о том, что «слава деи и хвала того шпанского короля пошла по всем землям по латинской вере, что на лихих крепко стоит, да уже деи в его землях лихих мало чюти».¹⁵

¹⁰ В 1489 г. архиепископ Геннадий писал бывшему архиепископу ростовскому Иоасафу: «... как бы вам мнится, Новгород с Москвою не едино православие» (Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения..., Источники, стр. 317).

¹¹ Н. А. Казакова и С. Я. Лурье. Антифеодалные еретические движения..., Источники, стр. 472.

¹² Там же, стр. 378; ср. мнение Я. С. Лурье: там же, стр. 130.

¹³ А. Д. Седелъников. Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV—начале XVI в.— Доклады Академии наук СССР, М.—Л., 1929, серия В, № 1, стр. 16.

¹⁴ А. Д. Седелъников. К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина.— ИОРЯС (1925), т. XXX, Л., 1926, стр. 205—225.

¹⁵ А. Д. Седелъников. Рассказ 1490 г. об инквизиции.— В кн.: Труды Комиссии по древнерусской литературе. М.—Л., 1932, стр. 33—57.

Но приверженность новгородского архиепископа к «латинству» вызывала неодобрение московского правительства.¹⁶ И поэтому Геннадий, прибегая к содействию «латинян» в борьбе с новгородскими еретиками, используя пример того, что творилось в землях «латинской веры», стремился в то же время подчеркнуть свою ревность к православию и тем самым поднять свой авторитет в глазах представителей верховной государственной власти и высшей церковной иерархии. Эта тенденция проявилась и в «Повести о белом клобуке», автором которой был, по-видимому, побывавший в Риме грек-униат Дмитрий Траханиот и в которой говорилось о «прелести скверных латын».

И, наконец, последнее, что хочется сказать. Один из основных тезисов «Повести» таков: Москва — политический центр, Новгород — центр церковный, центр русского и мирового православия. Это итог всемирно-исторического процесса: изволением земного царя Константина царский венец дан русскому царю, изволением небесного царя Христа белый клобук дан будет архиепископу Великого Новгорода. Если сопоставить этот тезис с посланиями Геннадия, то можно сделать вывод, что он претендовал на первенствующее место в церковной жизни, подчеркивая большие задачи в борьбе с ересью во славу православия. Он упрекал собор 1490 г. в мягкой политике по отношению к еретикам и писал ему: «А толко ныне о тех еретицех конца не учините, ино то уже явьствоно вере нашей поправне». Геннадий выдвигал свою программу искоренения ереси, предлагая «казнити — жечи да вешати» ее носителей. «Да не плоштитеся: станьте крепко . . . Однолично бы ныне и казнены и прокляты», — так заканчивал свое послание собору новгородский архиепископ.¹⁷ Методы инквизиции ему нужны были для укрепления позиций православной ортодоксии. А историческая справка о судьбах белого клобука, проделавшего длинный путь (отражавший путь, пройденный христианской церковью), понадобилась Геннадию для обоснования ведущей роли «новгородского православия», как воинствующей силы, защищающей церковные устои от всех проявлений вольнодумия и свободомыслия.

¹⁶ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба . . . стр. 137—138.

¹⁷ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения . . ., Источники, стр. 381—382.